

П.П. Африкантов

Былина
о
Саратове

Саратов 2016

П.П. Африкантов

Былина о князе – строителе
Григории Засекине, стрелецком
голове боярине Фёдоре Турове и
славном городе Саратове

Саратов

2016

Африкантов П.П.

**Былина о князе – строителе Григории Засекине,
стрелецком голове боярине Фёдоре Турове и
славном городе Саратове.**

24 стр. г. 2016 .

Эта книга о городе Саратове.

Она о том кто, как и по какой надобности стал строить город-крепость на Волге? Автор рисует исторические личности, стоявшие у истоков рождения Саратова, показывает всю сложность исторического момента при принятии государственного решения, рассказывает, как выбиралось место под постройку, обращает внимание на детали. Произведение написано в стихотворно-песенной форме, по примеру творения былин древними русскими сказителями.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей родного города.

Книга издана в авторской редакции и на средства автора.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование

П.П. Африкантова.

Перепечатана с книги «Сказки о Саратове» книга первая,
2013 год.

Произведение дополнено и уточнено.

© П.П. Африкантов, 2016

**Былина о князе – строителе Григории
Засекине, стрелецком голове боярине
Фёдоре Турове и славном городе
Саратове**

А, было это давным-давно,
А, было это на Волге-реке.
А было это ниже города Казани,
Ниже города Казани,
Да выше города Астрахани,
Где рыскал только дикий зверь,
И не было дорог езженных,
И не было дорог хоженных.
Так по вольным просторам по-волжским,
Да по над кручами правого берега
Летала большая птица Гамаюн.
Птица вещая восьмикрылая,
С лицом белым человеческим,
А ногами чешуйчатыми звериными.
Где птица летит,
Там смерч свистит,
А где на древо сядет,
То древо сохнет.

И предвещала птица
Покриками зычными,
Что городам здесь быть,
На часах стоять,
Русскую землю хранить,
От врагов оберегать.
А кто встанет на пути,
Так тому не жить,
По царёвой земле
Костей, мяса не носить.
Москвы грозный царь,
Земли волжской государь.
А, другому не бывать,
О другом ей не сказать.

Долго ли птица летала,
Человеческим голосом кричала?
Много ли древ посушила?
Много ли вихрями трав наклонила?
Слышали то рыбаки замоскворецкие,
Что на реке рыбачили,
В волнах стерлядь ловили,
Да московским монастырям поставляли.
Слышали то пастухи прикаспийские,
Люди кочевые, гости однодневные.
Слышали то ушкуйники сорвиголовы,
Грабежом речным промышлявшие.
Все, кто тем часом те места проезжал,
Кто на вёсла налегал,
Кто коня плёткой хлестал.

Не напрасен был птичий глас,
Потому, что в этот самый час.

Царь вся Руси Фёдор Иоаннович,
Сын великого Грозного царя,
В палаты каменные, входил.
На нём шапка была парчовая,
Шапка парчовая, жемчугом украшенная,
Сапоги сафьяновые,
Мехом отороченные.
Он в палаты входил,
Перед боярами речь держал:
– Ой, бояре вы древнеродные,
Люди славные, именитые,
Умом разумом не забытые.
Пораскиньте умом, поразмыслите,
Мой отец, славный Грозный царь,
Государству землицы прибавил,
Да нас не вовремя сиротами оставил.
От Казани до Астрахани земли необъятные,
Как их будем охранять,
От врагов оберегать?
Он обвёл очами думу боярскую,
Он ждал ответа прямодушного.
Тут встал боярин Годунов Борис,
Он одет в золочёный ферязь,
В золочёный ферязь со петлицами.
А в петлицах пуговицы серебряные,
Пуговицы серебряные,
Золотой нитью обвитые.
А на голове его мурmolка ярко-вишнёвая,
А на руке его перстень яхонтовый.
Боярин в пояс царю поклонился,
К царю и боярам обратился.
– Разрешите государь слово молвить.

Слово новое, а дума старая.
Дума старая, дума выношенная.
Говорит царь в ответ таковы слова:
– Говори, боярин, коль поднялся,
Говори, коли с думой не расстался.
– Гой, ты наш царь, ты наш батюшка,
Гой, бояре вы именитые,
Именитые и родовитые.
Разрешите мне слово сказать,
Слово сказать, перед вами речь держать.
Воевали мы Казань, воевали и Астрахань.
Побили рати супротивные.
Земли захватили обильные –
Много рек, озёр и лесистых гор.
А нет в тех местах ни колышка,
А нет в тех местах ни брёвнышка,
Что жильём бы звалось человеческим,
Говорило б что, о московском царе,
Говорило б что, о его земле.
Надо ставити грады-крепости,
Со стрельцами и боярами,
Да с купцами и товарами.
Чтобы слышен был колокольный звон,
Православный звон переливчатый.

– О добром деле глаголешь, –
Говорит царь Фёдор Иоаннович. –
Доброе дело советуешь,
О великости земли нашей думаешь.

Закивали бояре в знак согласия.
Закивали, да посохами задвигали,
Посохами задвигали,

Бородами длинными зашевелили.
По сторонам стали поглядывать,
Да среди бояр человека высматривать,
Кто бы мог это дело государево сделать,
Кто бы мог царскую волю исполнить?

– Из бояр, вельмож к сему делу гож, –
Смирненно молвил Годунов Борис. –

Назову я вам имя знатное,

Имя знатное, имя доброе.

Он Григорием называется,

А Засекиным прозывается.

Рода княжьего, рода древнего.

И на русской земле не последнего.

А в помощники

Дать боярина

Слугу верного государева,

Стрелецкого голову Фёдора Турова.

Со стрельцами пойдёт князь дело делати,

Работный люд от врагов оберегати,

Ну, а врагу, так отпор давать.

Лучше дела того никто не сделает.

Лучше дела того никто не исполнит.

Пусть едут на Волгу-реку,

Пусть послужат государю своему. –

И бояре с тем согласились,

Царю в пояс все поклонились.

– Так и быть тому, – молвил Фёдор царь

А по батюшке Иоаннович:

– Повелеваю князю строить крепости.

В городах чтоб жил православный люд,

Таково моё слово веское,

Слово веское, слово царское. –
Посох в руку взял Фёдор Иоаннович,
Посох весь камнями украшенный.
Каменья заморские переливчатые.
И стукнул он тем посохом
Да в дубовый пол,
В пол дубовый, мозаичный.

2

То не день прошёл,
И не ночь протекла
Да пониже города Казани,
Да повыше города Астрахани
Выросли города-крепости новые,
Города-крепости сосновые.
Первый город Самарой называется,
А второй - то город – Царицын есть.
И встали они на великой реке,
И стоят они на правом берегу.
На правом берегу крутёхоньком,
От врагов русскую землю охраняют,
Охраняют они её зорче зоркого,
Незванных гостей мечом пленяют,
И вяжут верёвками лыковыми,
Верёвками лыковыми,
В воде вымоченными.
Ведут в город их на дознание.
А кто меч обнажил, тех побивают,
Друзей же царя хлебом-солью встречают.

Бояре на Москве ликуют,
В собольи шубы рядятся,

Бояре на Москве вина медовые пьют,
Царя Фёдора Иоанновича хвалят,
Да друг с другом челомкаются,
За новые города ковши поднимают.
Только один боярин не ест, ни пьёт,
Буйну голову он рукой подпёр,
А другой рукой он свой посох сжал.
Посох ореховый не украшенный.
Да встаёт он на резвы ноги,
Да подходит он к царю батюшке,
В ноги ему кланяется.
В ноги кланяется,
Просит речь держать,
Царю слово сказать.
Тут воззрился на него Фёдор Иоаннович,
Вопросительно бородой повёл,
Да любезно на боярина посмотрел.
Ведь был то ни кто иной,
Как князь Григорий – строитель,
Что города возвёл,
Земли русские огородил.
Говорит он царю почтительно,
Но, а речь его промыслительна.
– Государь ты наш батюшка,
Сын великого Грозного царя.
Построили мы два града-крепости.
На той реке, Волге - матушке,
По твоему приказу великому.
Построили один ниже города Казани,
А другой – выше города Астрахани.
Чтобы земли охранять,
Царство русское оберегать.
Посадили в них стрельцов-воинов,

Чтоб мимо городов враг не проскакивал,
Лихой басурман не проезживал,
Русскую землю не воевал.
А стрельцы все – люди brave,
При себе имеют пики острые,
Наконечники у пик воронёные.
А за меня Фёдор Туров там.
Мы с боярином Туровым совещались,
Мы с боярином умом раскидывали.
Хорошая с городов ограда получилась,
И на тысячу вёрст застава протянулася,
Только мало городов построили.
Между городом Самарой,
Да между городом Царицыным
Четыре дня пути шага бойкого,
Шага бойкого молодецкого.
Надо крепость между ними ставить,
Чтоб было между городами
Только два дня пути.
Тогда меж городов волк не прорыщет,
Тогда меж городов
Чужая дружина не проскачет,
Ибо дозоры её заметят
И путь-дорогу на Русь закроют.

Тут царь Фёдор удивился,
Тут царь Фёдор умом возмутился.
– Не должно врагам на Русь ходить!
Не должно врагам русских людей полонить!
Повелел он князю Засекину
Между Самарой и Царицыным место искать,
Место искать, город-крепость ставить.
Крепость сильную, крепость срубчатую,

Чтобы мимо города лисица не прокрасалась,
А басурман пройти не отважился.

3

Вот Засекин князь в дорогу собирается,
На добра коня князь садится.

А конь кованый да на медный гвоздь,
У коня его грудь широкая,
А стать у коня высокая.

На груди его бляха медная,
Бляха медная с изумрудами.

А подпруга кистями украшена,
А в поводья вделаны камня лучистые.

А седло его с подседельником,
Подседельник лежит на потничке,
А потничек на подпотничке.

И берёт князь повод кожаный.

Повод кожаный, шёлком прошитый

Едет он на Волгу-реку,

А едет Григорий город-крепость ставить.

А едет он царскую волю исполнять.

Город-крепость та Саратовом назовётся,

А идёт на Руси 1590-й год,

Днём и часом год слагается,

Месяцами год открывается.

А Засекину дорог каждый час.

Надо город в верховьях реки срубить,

По венцам его разобрать,

А на каждом брёвнышке,

Чтобы знак стоял

В плоты брёвна те связать надо,

Да по воде те плоты спустить надо.
Торопится Засекин князь,
Ждёт его на Волге боярин Туров.
Вот Григорий на коня сел,
На коня сел на буланого,
Вдел ногу в стремя серебряное,
В стремя серебряное узорчатое,
Взял в руки повод тиснённый,
Повод тиснённый, шёлком прошитый.
Оглядывает он конников отъезжающих,
Осматривает он толпу провожающих.
Он осматривает всех и тревожится:
Есть здесь спальники и печальники,
Скоморохи и начальники,
Только не вышла провожать любимая жена,
Не вдела в стремя сапога ялового,
Не воткнула в шапку лазорев цветок.
Не увидев, жены князь нахмурился,
Князь нахмурился и с коня сошёл.
Он с коня сошёл, на крыльцо взошёл.
Зычным голосом жену зовёт:
– Где ты, моя жёнушка милая?
Где моя милая жена свет - Дарьюшка?
Отчего на крик не отзываешься,
Отчего из палат не выходишь?
Вошёл князь в палаты дубовые,
Откинул занавески шелковые,
А жена его на полу лежит,
На полу лежит без сознания.
Прибежали слуги боярские,
Опрыснули Дарьюшку холодной водой.
Дарьюшка глазки открыла,
Что случилось с ней мужу поведала.

– Ты, мой муж, не сердись, не кручинься.

Я тебя провожати хотела,
Я хотела одеть стремя серебряное,
Да на твой сапог, сапог яловый.

Только силы меня покинули,
А ноженьки мои подкосилися.

И упала я на сосновый пол,
И сковал меня поминутный сон.

Мне привиделась в нём река вольная.

У реки у той правый берег крут,
А по той реке омуты идут.

На крутом берегу стены высятся,
Стены древние, стены каменны
Большей частью поразрушены,

Буд-то было там наводнение,
Или город сжёг пламень бешеный,
С сотрясением стен перемешанный.

А за стенами абрек прячется,
Он в развалинах к камню ладится.

Достаёт абрек лук тесёмчатый,
Лук тесёмчатый, колчан кожаный.

А в том колчане лишь одна стрела,
Лишь одна стрела закалённая.

Лишь одна стрела именованная.

Здесь мне мысль на сердце легла:

«А не хочет ли абрек моего мужа убить,
Злое дело на берегу совершить?»

Затрепетала я как осины лист,

Руки белые заломилися,

Ноги быстрые подкосилися

И на пол я упала без памяти,

В этом чудном сне предсказательном,

Ты нашёл меня муж заботливый.

Для меня ты муж, а царю слуга.
Ты возьми меня, муж, родимый мой,
На берега реки, берега дикие.
Я не буду для тебя в походе сумою,
А я буду тебе свет - Григорий слугою.

Не хотел Григорий Дарьюшку брать,
Чтоб на Волге-реке место искать,
Где городу быть?
Куда плоты сплавлять?
Где из тех плотов стены собирать.
Собирать стены высокие,
Терема за стенами ставить узорчатые.
А, во-первых ставить церковь русскую,
Церковь русскую, православную,
Чтобы слышен был колокольный звон,
Колокольный звон, звон молитвенный.
Только стало ему жаль жены своей.
Извьётся она, изкручинится,
Будет день и ночь думу думати,
И в уме держать град разрушенный,
Что привиделся в её тонком сне,
А ещё абрека злонамеренного,
Со стрелой своей закалённою.
И велел он Дарьюшке собираться,
В путь-дорогу к реке снаряжаться.

4

Как по Волге-реке плоты плывут,
Плывут плоты перемеченные,
Плывут плоты перевязанные.
То стрельцы-молодцы

Новый град везут.
Новый град везут,
И на нём плывут.
А от Самары
Да по берегу реки
Идёт Засекин князь со - товарищи,
А на встречу ему от Царицына,
От Царицына, да по берегу реки
Боярин Туров идёт со - товарищи.
Где сойдутся они,
Там и граду быть.
Там и граду быть, и плотам пристать.
А стрельцам на плотях
Есть условный знак,
Где костры горят, туда правити,
На крутом берегу крепость ставить.

Уж два дня в пути князь со - товарищи,
А с ними княгиня свет - Дарьюшка.
Идут они по берегу реки.
Идут они от града Царицына.

Идёт Туров от града Самары.
А идёт он уже два дня да по берегу.
Видит Туров река - то сужается,
Левый берег её приближается.
Здесь - то Туров с Засекиным встретился.
Видят стрельцы на крутом берегу
Мёртвый град стоит и росой блестит.
Стены древние, стены ветхие,
Заросли травой и терновником.
Пообрушились крыши старые,
Крыши старые, черепичные.

Нет окон, дверей, в граде нет людей,
А по улочкам кирпича лишь бой,
А ночной порой слышен волчий вой.
Подошли стрельцы воеводские.
И дивятся все граду древнему.
Этого града они не видывали,
О нём они не слыхивали.

Тут Засекин князь произносит слова,
Произносит слова, слова верные:
– Граду здесь стоять и дозор держать,
Граду новому, граду светлому.
Два же дня пути здесь кончаются,
Древним городом означаются.
Разберутся здесь стены старые,
Стены старые, стены ветхие
И построятся стены новые,
Стены новые, да смолистые...

Лишь Засекин князь слово вымолвил,
Рядом с ним земля всколыхнулась,
А трава к земле вдруг пригнулася.
А от круч речных мрак надвинулся,
Поползли с земли гады в стороны,
Закричали с холмов птицы-вороны.
По обрывам - то камни ссыпались,
В волны волжские опрокинулись,
Птицы с криками полетели прочь
А пред ним из земли вырастает коч.
Сколько князь по земле не хаживал,
И чего он только не видывал,
А такого ему и на ум не приходило,
А такого и знать нельзя.

Этот коч перед ним разверстается
Из земли голова появляется.
На главе той глаза закрыты,
А усы, борода кореньями увиты.

Захрапели кони боярские,
Испугались слуги царские.
Захрапели кони, вздыбились.
Кони вздыбились и попятились.
Только Туров с князем остались,
Только двое не испугались.
Говорит голова таковы слова:
– Вы хотите город строить,
Город строить, стены ставить.
Только на кладбище город не строят,
На костях стены не ставят.

Обращается Туров к той главе:
– Что за дивности видим в сем краю?
Что за град стоял на крутом берегу?
Что являешься в неурочный час,
Говоришь слова ты свои о нас?
Кто таков и зачем нам являешься,
Ты из недр земли являешься?!

Голова в ответ рот разинула,
Голова в ответ брови сдвинула
И сказала голова таковы слова:
– Кто, зачем и как? Не скажу я вам,
А совет такой я посланцам дам:
«От решения своего отступить,
Рядом с градом сим место ищите.
Не зовите беду на свою главу,

А иначе падёт она на траву.
На былин-траву у Укекских стен,
У Укекских стен поразрушенных,
И ветрами как кости иссушенных.
Золотой Орды то пристанище,
Золотой Орды то покойлище».

Возмутился князь духом воинским,
Посмотрел на главу взором огненным:
– Что ты мелешь здесь, кость вонючая,
Челюстями своими скрипучими?!
Не меня ли ты князя пугаешь?!
Ты Засекина, кость, плохо знаешь.
Что ты можешь, трухлявое темя!!?
Голова: – Пререкаться с тобой нету время.
Не послушаешь – каяться будешь,
Впопыхах ты здесь, княжиче, судишь.
Дело вовсе не в нас, головах... –
И под землю ушла на глазах.

– Что же делать? – спросил князя Туров
– Нам глава не указ. – Получил в ответ. –
Нам не нужен её совет.

Дарья к князю тут подступила,
Она князя преклонённо просила.
– Ой, Засекин князь, князь московский,
А внемли ты земному знамению,
А внемли ты о нас промыслению.
Ты не строй град на Укеке.
Разве нет мест иных на берегу.
Разве нет мест иных на берегу реки.
От укекских стен ты уйди, отступи.
Но не хочет князь отступати,

Жены мольбам не хочет внимати.
В этот миг в воздухе стрела запела,
В этот миг стрела засвистела.
Увидала Дарья стрелу летящую,
Увидала Дарья стрелу разящую,
Белой грудью князя закрыла,
Белым телом его защитила.
И попала стрела ей под леву грудь
Ей под леву грудь в тело белое.
И упала она тут же замертво.
А стрелок чужой на лихом коне,
Убегаёт прочь в степь широкую.
А стрелка того в той степи не догнать,
А стрелка того в той степи не сыскать.
И тут вспомнил Григорий,
Да жены слова,
Намочила глаза у него слеза.
Приказал он Дарью схоронити,
А от древних стен отступити.
Отступили от стен слуги царские,
Слуги царские да на десять вёрст.
И нашли они место доброе.
Разожгли костры там дымливые,
Чтоб пристали плоты к берегу правому
К берегу правому на дымы костров.
Только вдруг туман с гор надвинулся,
На стрельцов и костры опрокинулся.
И не видно стрельцов
Да и их костров.
И сколько плыть плотам незнамо,
И куда пристать неведомо.
Лоцман на воду глядит,
Лоцман шапку теребит,

Лоцман бороду почёсывает,
Лоцман в кулак покашливает.
Сколько плыть - лоцман не ведаёт,
В каком месте пристать - не знает.
Только видит он – впереди плотов,
Описать того не найдётся слов,
Волны в стороны откатились,
Плавники над водой появились,
Всплыли рыбы из вод, рыбы царские
Рыбы царские, драгоценные.
У рыб усики бахромчатые,
У рыб хвосты серповидные,
Костяные щитки серебром горят,
Носы узкие от воды блестят.
Одна рыба посредине плывёт,
Посредине плывёт, другим знать даёт.
Воду волжскую носом режет.
Хвостом стрелчатый волны теребит.
Две другие по бокам плывут.
По бокам плывут, от неё не отстают.
Острова и мели рыбы обходят,
К месту невидимому правят,
Путь - дорогу стрельцам показывают,
Царский указ исполнить помогают.
Сколько-то времени плыли?
Сколько-то времени на воду глядели?
Только повернули царские рыбы направо
И уткнулись плоты в прибрежный камыш.
В прибрежный камыш, да в камешек-голыш,
Ну, а волжские рыбы, рыбы царские,
Хвостами стрелчатыми взмахнули,
Воду Волжскую всплеснули
И ушли в глубины речные

В глубины речные неизвестные.
А с берега плоты увидали,
Плоты к берегу привязали,
Стали брёвна из воды вытаскивать,
Стали плотники из них город собирать,
Стали стены ставить и церковь рубить,
Стали церковь рубить с колоколенкой,
Чтоб был слышен звон далеко окрест.
А на церкви той установили крест.
Православный крест с перекладинкой,
С перекладинкой да откосинкой.
А за месяц град да построили,
И за сорок дней обустроили.
Обнесли град стеною высокою,
Построили башни с бойницами
И назвали ту крепость Саратовом.
По той реке по Саратовке,
Что берег Волги промывает,
Да в волжские воды впадает.
Рыбаки про ту реку сказали,
А ушкуйники подсказали.
Князь с боярином согласился,
Звучным именем умилился.
Имя громкое, имя славное,
Граду-крепости подходящее.

А в Саратове гусли играют,
А в Саратове корабельники ходят
На плечах коробки с товарами носят.
Продают бусы византийские,
Да ковры продают персидские
А пряностями потчуют хорезмийскими,
А песни поют русские

Песни русские да гусярные.

А по - над кручами правобережными,
Между градом-крепостью Саратовом
Да между городом-крепостью Самарой,
Между городом-крепостью Царицыным,
Да между городом-крепостью Саратовом

Летала вещая птица Гамаюн.

Птица вещая восьмикрылая,

С лицом белым человеческим,

А ногами чашуйчатыми звериными.

Птица летала,

Человеческим голосом кричала:

– Здесь градам стоять,

Землю русскую охранять!

Здесь градам стоять,

В них железо ковать!

Здесь градам стоять,

Со всем светом торговать!

А как время пройдёт,

Да водой утечёт –

Не быть заставам на Волге-реке,

Не мочить стрельцу в ней своё копьё.

Уйдут заставы за Угорский камень,

За Угорский камень, где солнце встаёт.

Где солнце встаёт, земле свет даёт.

И расширится земля русская.

И дойдёт она до окиян-моря.

А я буду по берегу окиян-моря летать,

А я буду в окиян-море ноги мочить,

И на скалах приморских сидеть,

И на волны глядя вещать.

Буду вещать и Дарьюшку вспоминать,

Душу светлую, душу честную,
Да со смертию обручённую.
А Саратову – на берегу стоять,
В волны буйные на реке глядеть.
И не быть уже градом-крепостью,
А быть ему вольным городом.

А Саратов град по сей день стоит,
А Увек его многи тайны хранит.

2012 год

Литературно- краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Былина о князе – строителе Григории
Засекине, стрелецком голове боярине
Фёдоре Турове и славном городе
Саратове